

*Иосиф Абгарович Орбели
Портрет работы Г. С. Верейского. 1946 г.*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

К. Н. ЮЗБАШЯН

Академик
ИОСИФ АБГАРОВИЧ
ОРБЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1964

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР *К. В. ТРЕВЕР*

Деятельность исследователя — по крайней мере в области гуманитарных наук — находит отражение прежде всего в его письменном наследии. И история науки знает величайших ученых, у которых вехи жизненного пути совпадают с годами издания основных трудов, а биография их сводится к списку последних.

Но когда ученый одновременно и гражданин своего отечества, у которого высоко развито понимание общественного долга, и деятель культуры, и вдохновенный организатор научных исследований, когда его страстный темперамент и обаяние способны увлечь на научный подвиг, а яркая и образная речь вовлекает в науку непосвященных, тогда его жизнеописание не вмещается в рамках библиографического списка. Служение науке и обществу находит отражение не только в изданных трудах, но и в публичных выступлениях, устройстве выставок, напутствии начинающему исследователю, остроумной догадке или парадоксе, оплодотворяющем новое направление в науке. Биография такого ученого становится страничкой истории культуры в широком смысле этого слова.

Таким ученым и был Иосиф Абгарович Орбели.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Семья. — Детские и отроческие годы. — На историко-филологическом факультете Петербургского университета. — Факультет восточных языков. — Н. Я. Марр. — На раскопках Ани. — Первые печатные работы. — Работы об анийских памятниках. — Поездка в Мокс. — Занятия армянской эпиграфикой. — Курдские штудии — Раскопки на Ванской скале

Иосиф Абгарович Орбели родился в армянской семье с давними культурными традициями. Дед его Иосиф Орбели окончил медицинский факультет Дерптского университета и некоторое время практиковал в Тифлисе в качестве врача, но затем принял сан священника и вскоре стал протоиереем одной из армянских церквей в том же Тифлисе; его перу принадлежит несколько богословских сочинений.

У Иосифа Орбели было трое сыновей и две дочери.

Сын Давид Иосифович окончил Харьковский университет и был врачом-психиатром. В свое время в Закавказье он пользовался большим авторитетом и широкой известностью. Д. И. Орбели оставил ряд работ по эндемическому зобу и кретинизму, был постоянным участником научных съездов по психиатрии.

Второй сын, Амазасп Иосифович, успешно практиковал в Тифлисе в качестве врача-стоматолога.

Третий сын, Абгар Иосифович, учился на юридическом факультете Петербургского университета и окончил его со степенью кандидата прав. Сохранилось его выпускное сочинение, посвященное государственным займам.

По окончании университета Абгар Иосифович Орбели вернулся на родину; он был мировым судьей в Нахичеванина-Араксе, Дарачичаге (ныне селение Цахкадзор в Армянской ССР), Кутаиси. Переехав в Тифлис, он в течение не-

скольких лет был товарищем прокурора судебной палаты, затем, став присяжным поверенным, занялся частной практикой.

Абгар Иосифович был весьма образованным человеком, внимательно следил за культурной жизнью, много читал, им была собрана большая библиотека. Много внимания Абгар Иосифович уделял воспитанию детей и при небольших относительно средствах сумел дать им прекрасное образование. Влияние его в семье было огромно, авторитет — непререкаем. Свобода сыновей никак не ущемлялась, и тем не менее в 1906 г. девятнадцатилетний Иосиф Абгарович решил выехать на раскопки в Ани лишь после того, как получил разрешение отца. Через два или три года у него появилась мысль оставить историко-филологический факультет и перейти на факультет восточных языков, но, как вспоминал впоследствии Иосиф Абгарович, «пятиминутного разговора с отцом было достаточно, чтобы эту мысль отбросить»¹. И в преклонном возрасте Иосиф Абгарович Орбели часто вспоминал своего отца, к которому питал чувства самой глубокой любви.

Мать Иосифа Абгаровича — Варвара Моисеевна была человеком незаурядным. Происходя из армянского княжеского рода Аргутинских-Долгоруких, она тем не менее с детства привыкла к труду. И детям своим она старалась передать эту привычку. Она чрезвычайно заботилась о детях, хотя и не допускала никакого баловства. Очень отзывчивая, Варвара Моисеевна и соседским детям уделяла массу внимания, и множество окружавших ее в то время лиц сохранило о ней самую добрую память.

Овдовев, Варвара Моисеевна стала давать уроки французского языка. После установления в Грузии Советской власти Варвара Моисеевна много времени отдавала общест-

¹ И. А. Орбели, *Моя научная работа. Стенограмма выступления на вечере встречи с акад. И. А. Орбели молодых научных работников, аспирантов и студентов 18 апреля 1948 г. в Ленинградском Доме Ученых* (хранится в архиве И. А. Орбели).

В настоящей работе К. Н. Юзбачян использовал множество материалов, находящихся в личном архиве И. А. Орбели. Сейчас этот архив передан в Ленинградское отделение архива Академии наук СССР (ф. 909), где будет соответственно обработан. Автор же пользовался еще необработанным материалом, почему он и ограничивается лишь общими ссылками. — *Ред.*

Иосиф Орбели (в центре) с родителями и братьями Леоном (слева) и Рубеном (справа). 1893 г.

* *
*

венной работе в школе, а в тридцатых годах она была избрана депутатом Тбилисского городского совета.

Несколько слов о братьях, которые оказали немалое влияние на формирование взглядов молодого Иосифа Абгаровича. Дружба связывала его с братьями и в зрелом возрасте.

Старший брат, Рубен Абгарович (1880—1943), окончил юридический факультет Петербургского университета, но впоследствии увлекся водолазным делом и его историей². В военно-морском музее в Ленинграде на одном из почетных мест выставлен древний челн, откопанный Рубеном Абгаровичем на берегу реки Буг (1937 г.). Рубен Абгарович Орбели — один из зачинателей подводной археологии в нашей стране. В последние годы жизни Рубен Абгарович проводил научную работу в Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН). Ныне, с развитием подводной археологии, имя Р. А. Орбели все чаще и чаще упоминается в научной и научно-популярной литературе, посвященной водолазному делу.

Имя другого брата, Леона Абгаровича Орбели (1882—1958), широко известно не только в нашей стране, но и за ее пределами. Он был крупным физиологом. Предпосланный первому тому его «Избранных трудов» биографический очерк³ воссоздает портрет не только замечательного ученого-новатора, но и благороднейшего человека. Отметим; пользуясь случаем, что в выборе специальности Леона Абгаровича Орбели не последнюю роль сыграл дядя — Давид Иосифович Орбели, с которым Леона Абгаровича связывали не только родственные узы, но впоследствии и профессиональные интересы.

Семейные традиции сыграли большую роль в формировании общественного мировоззрения И. А. Орбели и многих черт его характера, таких, как прямота суждений, высокое понимание общественного долга и подлинный, без скидок, интернационализм⁴.

² См., например, «Профессор Рубен Абгарович Орбели. Исследования и изыскания», М.—Л., 1947.

³ Л. А. Орбели, *Избранные труды*, т. I, М.—Л., 1961, стр. 13—36.

⁴ Часть сведений о семье Орбели автор получил от дочери Рубена Абгаровича Орбели — Русуданы Рубеновны Орбели.

Иосиф Абгарович Орбели родился 8(20) марта 1887 г. в Кутаиси — небольшом тогда провинциальном городке, утопавшем в зелени фруктовых садов, с преимущественно грузинским населением.

В 1888 г. семья Орбели переехала в Тифлис. По тем временам Тифлис был крупным городом — в 1897 г. число его жителей доходило до 160 тысяч. Этот город с пестрым населением, где на улицах слышалась грузинская, армянская, русская, курдская, азербайджанская речь, был одним из культурных центров бывшей Российской империи. Помимо прочих периодических изданий здесь ежедневно выходило восемь газет — четыре русские, две грузинские и две армянские. Город насчитывал более ста учебных заведений, славился своими театрами, в которых нередко выступали артисты с мировыми именами. Тифлис был колыбелью новогрузинской и в известной степени новоармянской литературы. Тифлис в то же время был городом, где смыкались восточные и западные формы быта. Таким образом, тот живой интерес и искренняя любовь к Востоку, которые не покидали Иосифа Абгаровича до последних дней его жизни, были заложены уже в отроческие годы.

Детство Иосифа Абгаровича протекало в самых благоприятных условиях. В 1896 г. он был определен в Третью мужскую гимназию. Там он хорошо изучил греческий язык и латынь. Но гимназия не давала достаточных знаний по естественным наукам, химии, физике, и Абгар Иосифович предоставил сыну возможность пройти с домашними учителями курс реального училища. Представитель трудовой интеллигенции, Абгар Иосифович полагал, что сыновья должны овладеть и каким-либо ремеслом и в случае необходимости прокормить себя трудом своих рук. Иосиф Абгарович прошел курс обучения столярному делу — искусству краснодеревца. Эти знания очень помогли впоследствии, когда он стал сотрудником Эрмитажа; при подготовке выставки не последнюю роль играли выбор и изготовление соответствующих витрин, стендов и пр. В юношеские годы Иосиф Абгарович изучил также ремесло каменщика, а позднее — типографского наборщика.

Некоторыми восточными языками Иосиф Абгарович владел уже в раннем возрасте: во дворе дома Орбели находилась каменоломня, с рабочими которой маленький Иосиф Орбели постоянно общался, причем разговор по требованию родителей с армянами велся по-армянски, с грузинами — по-грузински, с азербайджанцами — по-азербайджански. По-русски Иосиф Абгарович разговаривал только с русскими, потому, овладевая другими языками, он в полной мере сохранял чистоту русского произношения.

В 1904 г. Иосиф Абгарович окончил гимназию. В аттестате говорится, что «за все время обучения его в Тифлисской 3-й гимназии поведение его вообще было отличное, исправность в посещениях уроков, а также в исполнении письменных работ отличная, прилежание отличное и любознательность отличная...»⁵, а далее идут сплошные пятерки. Отмечается, что особых успехов И. А. Орбели достиг в историко-филологических науках.

26 июля 1904 г. семнадцатилетний И. А. Орбели подал прошение о зачислении его на историко-филологический факультет Петербургского университета, с которым семью Орбели связывали давние традиции: в свое время этот университет окончил отец Иосифа Абгаровича, при университете был оставлен его брат Рубен.

Иосиф Абгарович прошел полный курс историко-филологического факультета по отделению классической филологии⁶. Легкость, с которой давались ему преподаваемые в университете дисциплины, в немалой степени была обусловлена отличной гимназической подготовкой. Среди университетских учителей Иосифа Абгаровича были такие выдающиеся ученые, как С. А. Жебелев (1867—1942), М. И. Ростовцев (1870—1952), Ф. Ф. Зелинский (1859—1946), археолог Б. В. Фармаковский (1870—1928), византист В. Н. Бенешевич (1874—1938).

Наряду с греко-римскими древностями студента-классика все больше и больше увлекал Восток, история и культура Армении, Грузии, Ирана. С 1906 г. он участвует в раскоп-

⁵ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 42789, л. 5.

⁶ Сведения о прослушанных Иосифом Абгаровичем дисциплинах и о сданных им экзаменах, в том числе выпускных, см.: ГИАЛО, ф. 14, оп. 20, № 47, лл. 2, 3, 33, 37; № 51, л. 106; № 54, лл. 1—2; оп. 21, № 55, л. 222.

ках Ани — средневековой столицы Армении, а в 1907 г. поступает и на факультет восточных языков Петербургского университета⁷. Тем не менее, уже решив посвятить себя востоковедению, И. А. Орбели не бросил классическую филологию — он относился к ней как к необходимой ступени в приобретении востоковедческих знаний⁸ (тем более что в классической филологии он искал решения ряда проблем по вопросам кавказоведения). И. А. Орбели навсегда сохранил любовь и интерес к классической филологии.

В 1909 г. Иосиф Абгарович окончил курс историко-филологического факультета и приступил к кандидатскому сочинению. «...По классическому [отделению] сейчас усиленно работаю „Этнографию Кавказа по известиям классических писателей“, — писал он родителям 12 декабря 1910 г. — Тема очень интересная, по объему не очень большая, примерно с Асана⁹, но очень запутанная и кропотливая. Выборку материалов я сегодня как раз кончил, думаю недели в две закончить черновик всей работы. Пишу ее у проф. Жебелева, но предварительно она должна быть процензурована Марром». В архиве Н. Я. Марра (1864—1934) и обнаружен один из рукописных экземпляров юношеского сочинения И. А. Орбели¹⁰.

Работа содержит относящиеся к Кавказу выборки из сочинений античных писателей — Геродота, Ксенофонта, Страбона и других и интересный, подчас совершенно самостоятельный комментарий. В проекте записки по поводу избрания И. А. Орбели членом-корреспондентом Российской Академии

⁷ Истории факультета и его отдельным кафедрам посвящена значительная литература. Последняя работа в этой области — обобщающая статья А. Н. Кононова «Восточный факультет Ленинградского университета» (УЗ ЛГУ, серия востоковедческих наук, 1960, вып. 13 — Выпуск целиком посвящен прошлому и настоящему факультета).

⁸ Так в свое время поступил и один из крупнейших арменистов XX в. — профессор Николай Георгиевич Адонц (1871—1942), у которого впоследствии учился Иосиф Абгарович; Адонц блестяще окончил факультет восточных языков, пройдя одновременно полный курс историко-филологического факультета.

⁹ Речь идет об исследовании, посвященном кинжалу с нефритовой рукояткой и ее владельцу князю Асан Джалалу; эта работа была представлена И. А. Орбели в качестве кандидатского сочинения по факультету восточных языков.

¹⁰ ААН, ф. 800, оп. 6, № 737. Последние листы рукописи не сохранились.

наук в 1924 г. Н. Я. Марр писал. «В его студенческое сочинение, в рукописи лежащее и сейчас на столе у меня, я не без пользы для себя заглядываю, работая над этнологическими вопросами по Кавказу»¹¹.

В 1911 г. Иосиф Абгарович Орбели успешно сдал экзамены по историко-филологическому факультету. Одновременно (с 1907 г.) Иосиф Абгарович занимается на факультете восточных языков Петербургского университета.

С конца прошлого столетия, особенно когда деканом факультета был избран крупнейший арабист и византист Виктор Романович Розен (1849—1908)¹², Петербург становится одним из мировых центров востоковедной науки.

Петербургская школа востоковедов при всей индивидуальности ученых имела свой ярко выраженный характер. На факультете царил атмосфера глубокого уважения к прошлому народов Востока и их многовековой культуре. Раз и навсегда было признано: Восток подлежит изучению столь же строгими научными методами, что и Запад. Большое внимание уделялось изучению не только мертвых, но и живых языков, изучению этнографии, памятников материальной культуры. В профессорский состав входил ряд ученых, пользовавшихся мировой известностью и признанием. Иосифу Абгаровичу довелось учиться у таких выдающихся востоковедов, как иранист В. А. Жуковский (1858—1918), историк Средней Азии В. В. Бартольд (1869—1930), семитолог П. К. Коковцов (1861—1942), египтолог Б. А. Тураев (1863—1920) и др. Это были люди, бескорыстно преданные науке, кровно заинтересованные в подготовке достойной смены и потому отдававшие много сил университетскому преподаванию.

Из всех востоковедных дисциплин Иосифа Абгаровича более всего влекла арменистика, и в этой области он нашел себе такого замечательного друга, учителя и наставника, как Н. Я. Марр. Когда Иосиф Абгарович приехал в Петербург, Н. Я. Марр уже пользовался славой одного из крупнейших востоковедов России. С его именем связана целая эпоха в русском кавказоведении. В 1888 г. Н. Я. Марр окончил факультет восточных языков, был оставлен при университете.

¹¹ Проект записки хранится в архиве И. А. Орбели.

¹² В. Р. Розен был деканом с 30 октября 1893 по 1 августа 1902 г.

и в печати одно за другим стали появляться его исторические и филологические исследования. Он по праву считается основателем самостоятельной научной дисциплины — армяно-грузинской филологии, им разработана ее методика, которая в собственных же его работах давала поразительные результаты. В своих трудах Н. Я. Марр решительно настаивал на общности исторических судеб Армении и Грузии. В своем вступительном слове на защите докторской диссертации он говорил: «В Армении был настолько родственней, если не тождественный с грузинским, феодальный строй, что исследователь армянской жизни может смело пользоваться грузинскими богатыми документальными материалами для оживотворения тех отрывочных летописных данных, которые можно черпать в армянских источниках»¹³. Подобная постановка вопроса имела в то время не только научное, но и общественное значение, так как наносила удар националистическим настроениям, распространенным в определенных кругах как грузинского, так и армянского общества.

Беспредельно преданный науке, Н. Я. Марр был подлинным ее энтузиастом. Его ученики начали пополнять профессорский состав факультета восточных языков, подсказанные им идеи ложились в основу капитальных исследований. кипучая энергия, личное обаяние привлекали к нему и слушателей и последователей¹⁴. Под общим руководством Н. Я. Марра И. А. Орбели прошел полный курс факультета восточных языков по армяно-грузино-персидскому разряду: прослушал курсы введения в языковедение, армянского, грузинского, персидского и арабского языков, истории Древнего Востока, Грузии и Армении, исторической географии Армении и Грузии, истории армянской и грузинской литературы, истории персидского языка.

Специальные занятия на факультете, кроме Н. Я. Марра, вели также его ученики: И. А. Джавахов (Джавахишвили, 1876—1940), который в 1906 г. успешно защитил магистерскую диссертацию, посвященную государственному строю древней Грузии и Армении, и Н. Г. Адонц, диссертация ко-

¹³ В. А. Миханкова, *Николай Яковлевич Марр*, М.—Л., 1949, стр. 66

¹⁴ Характеристику сложного и противоречивого пути, пройденного Н. Я. Марром как ученым, см. в ст. В. И. Абаев, *Н. Я. Марр (1864—1934) К 25-летию со дня смерти*, — «Вопросы языковедения», 1960, № 1

торого «Армения в эпоху Юстиниана» составила эпоху в арменистике.

Н. Я. Марр настойчиво боролся за дифференциацию учебных дисциплин, боролся против того, чтобы в одном курсе излагались и язык, и литература, и история. В те годы, когда И. А. Орбели посещал факультет, преподавание велось на вполне современной основе.

В начале девятисотых годов большое влияние на Иосифа Абгаровича оказал замечательный ученый, академик Яков Иванович Смирнов (1869—1918), исследователь необычайно широкого диапазона. Я. И. Смирнов весьма интересовался армянскими и грузинскими древностями, вместе с Н. Я. Марром производил раскопки храма в Гарни, изучал столь таинственные тогда изваяния фантастических рыб — вишапы. В 1899 г., будучи приват-доцентом Петербургского университета, Я. И. Смирнов подал в отставку и занял в Эрмитаже должность хранителя отделения Средних веков и эпохи Возрождения. К преподаванию в университете он вернулся лишь в 1913 г. Но все это время он вел занятия со слушателями, среди которых был и И. А. Орбели. В течение целого года Иосиф Абгарович посещал семинар Я. И. Смирнова, посвященный изучению Ахтамарского храма¹⁵. Впоследствии этому храму (помимо небольшой статьи) Иосиф Абгарович посвятил обширное исследование¹⁶, оставшееся неопубликованным при жизни ученого. Любовь и пиетет к Я. И. Смирнову И. А. Орбели сохранил навсегда. Он посещал лекции Я. И. Смирнова, тот в свою очередь слушал курс Иосифа Абгаровича и, как всегда, помогал ему своими советами. Впоследствии в своих публичных выступлениях Иосиф Абгарович часто говорил о Я. И. Смирнове, в редкой статье не благодарил его за помощь¹⁷.

¹⁵ О работе этого семинара имеется упоминание в официальном отчете о деятельности университета: «Под руководством прив.-доц. Я. И. Смирнова велись практические занятия два часа в неделю преимущественно по фотографическим снимкам прив.-доц. И. А. Орбели с рельефов Ахтамарского храма, причем рассматривались также и некоторые иные рельефы на церквях Закавказья и России» (см. «Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского Университета за 1915 год. Составил Д. С. Рождественский», Пг., 1916, стр. 177).

¹⁶ Речь идет о работе «Ахтамар».

¹⁷ И. Орбели, *О чем думалось в дни и ночи блокады Ленинграда*, — «Дружба», составитель и автор вступительного очерка Ашот Арзуманян.

Но занятия в аудитории были не единственным источником, где будущий кавказовед получил специальные знания. Столь же много дало ему и участие в археологических раскопках Ани под руководством Н. Я. Марра.

В многогранной деятельности Н. Я. Марра возглавляемые им раскопки в древней столице Армении занимают исключительное место.

История Ани до этого была известна в пределах лишь тех сведений, которые сообщают повествовательные источники и надписи. В памятниках уже V в. Ани, город, расположенный на реке Ахурян, на севере исторической Армении, упоминается как крепость. В IX в. эта крепость с округой была приобретена Багратидами у феодального рода Камсараканов. Во второй половине IX в. Багратидам удалось сбросить арабское иго и основать независимое царство. При Ашоте III (953—977) Ани стал столицей государства Багратидов. Город украсился замечательными архитектурными сооружениями, территория его росла. В 1045 г. Анийское царство было захвачено Византией, а в 1064 г. Ани разгромили тюркские орды султана Алп-Арслана. В 1072 г. в Ани утвердились правители из династии Шеддадидов; в конце же XII в. город был присоединен к Грузинскому царству. В 1239 г. Ани захватили монголы. По историческому преданию, Ани опустел вследствие землетрясения 1319 г.

В XIX в. Ани не раз посещали путешественники, но их наблюдения не могли существенно повлиять на традиционные взгляды, согласно которым вскоре после падения Багратидов, в конце XI в., город пришел в упадок. В 1892 и 1893 гг. Н. Я. Марр организовал в Ани две небольшие экспедиции. Весьма удачно начатые раскопки пришлось приостановить, ибо обнаруженные памятники материальной культуры распределялись по различным музеям и могли, таким образом, выпасть из поля зрения исследователя. Но в 1904 г. Н. Я. Марр возобновил раскопки, и с тех пор каждое лето в Ани направлялась археологическая экспедиция. В общей сложности до 1917 г. Н. Я. Марру удалось провести шестнадцать археологических кампаний.

кн. 2, Ереван, 1960, стр. 29—30.— См. также: С. Жебелев, *Яков Иванович Смирнов*, — «Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова», Прага, 1928.

Результаты раскопок были огромны. Н. Я. Марру удалось очень детально восстановить облик средневекового города. Археологический материал показал, что жизнь Ани замерла не в XI в., а лишь спустя несколько столетий и что город был колыбелью своеобразной и очень высокой культуры.

Н. Я. Марр и его сотрудники стремились не к сенсационным открытиям, а к воссозданию подлинной исторической картины со всеми ее противоречиями. Уже на заре текущего столетия Н. Я. Марр заявлял: «В обществе и в среде ученых интерес существует преимущественно, если не исключительно, к праздничному, нарядному Ани... Но не надо забывать, что как ни мал Ани, но в нем жили и простые смертные, рабочие, ремесленники и мелкие торговцы, вообще трудящийся люд. Изучение их быта, как бы скромно и неприглядно он ни был, их непритязательных помещений и обихода, словом будничного, повседневного Ани, представляет для нас не меньший общественно-исторический интерес»¹⁸.

Через несколько лет после возобновления раскопок был создан Анийский археологический институт. Так и не получив формального утверждения Академии наук, этот институт — первое светское научно-исследовательское учреждение на территории Армении — стал из года в год расширять свою деятельность. Впоследствии он послужил основой для создания в Тбилиси Кавказского историко-археологического института (1918 г.), к которому генетически восходит ряд ныне действующих научных учреждений Армении, Грузии и Азербайджана.

Раскопки в Ани давали их участникам прекрасную археологическую выучку. Иосиф Абгарович вынес из этих кампаний и глубокое знание материала и методику раскопок, а самое главное, наблюдения над анийскими памятниками породили ряд важных и плодотворных идей. Вскоре эти идеи легли в основу его замечательных работ по культуре и искусству Передней Азии. «Вообще в развитии своего научного мировоззрения и научной деятельности И. А. Орбели сильно зависел от непосредственного общения с подлинными

¹⁸ Н. Я. Марр, *Раскопки в Ани летом 1904 г.*, — «Известия Археологической комиссии», вып. 18, 1906, стр. 82—83; см. также: В. А. Миханкова, *Николай Яковлевич Марр*, стр. 121.

На раскопках в Ани, у минарета. Справа налево: Н. Я. Марр, И. А. Орбели, Юрий Марр, архитектор С. Н. Полторацкий, фотограф Н. Н. Тихонов. 1907 г.

предметами изучения»¹⁹, — отмечали впоследствии академики Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург (1863—1934) и И. Ю. Крачковский (1883—1951).

В Ани же, вспоминал И. А. Орбели, «продолжалось изучение и языков, и истории, и филологии, и истории искусства на вскрываемых раскопками древних памятниках. Все это давалось ученикам самим Марром... С учениками он был ласков, как с детьми, улыбаясь называл нас „мальчики“, но за ошибки спрашивал с нас с возмущением, как со взрослых, как с равных себе»²⁰.

¹⁹ Н. Марр, С. Ольденбург, И. Крачковский, *Записка об ученых трудах И. А. Орбели*, — ИРАН, серия VI, т. 18, 1924, стр. 574.

²⁰ И. А. Орбели, *Моя научная работа*.

Впервые Иосиф Абгарович приехал в Ани в 1906 г. Кампания прошла удачно — была завершена расчистка круглого храма, построенного царем Гагиком (990—1020), повторяющего по форме известную церковь Звартноц близ Эчмиадзина (VII в.). Была найдена статуя царя Гагика в чалме; ей в своем отчете Н. Я. Марр посвятил специальное исследование. В храме Гагика же обнаружили громадную медную люстру (лампадофор) XI в., но настолько смятую и изуродованную, что сначала ее конструкция была непонятна даже в общих чертах. Реставрацию люстры Н. Я. Марр поручил Иосифу Абгаровичу Орбели, и тому пришлось поехать в Александрополь (ныне Лениканан), неделю учиться у слесаря, потом разобрать обломки и, исходя из зафиксированного расположения их в момент находки, восстановить лампадофор в первоначальном виде.

Отныне Иосиф Абгарович почти каждое лето проводил в Ани, принимал в раскопках самое деятельное участие. Н. Я. Марр по достоинству оценил его способности и энергию и в 1907 г. даже предполагал взять И. А. Орбели с собой в Турцию, где задумал начать раскопки. Сохранилось разрешение Министерства народного просвещения на командирование И. А. Орбели «в качестве ближайшего сотрудника Н. Я. Марра»²¹ для археологических исследований в пределах Азиатской Турции с 20 мая по 1 сентября 1907 г. Экспедиция не состоялась, но Иосиф Абгарович принял участие в другой организованной Н. Я. Марром археологической поездке — в Олтинский район (ныне в Турции).

Наряду с прочими обязанностями в Ани И. А. Орбели заведовал Музеем древностей, основанным на месте раскопок Н. Я. Марром еще в 1904 г. на средства, собранные частными лицами. Под музей вначале была приспособлена мечеть Мануче — двухэтажное здание с рядом массивных колонн, завершающихся громадными капителями; с потолком, разбитым на квадраты-кессоны, заполненные мозаичной кладкой из разноцветного камня. Здание — один из лучших архитектурных памятников Ани — получило свое название по имени эмира Мануче, который обратил его в мечеть. При эмире был пристроен и минарет. В отчете о кампании 1906 г. (в которой впервые принял участие Иосиф Абгарович)

²¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 42789, л. 29.

Н. Я. Марр писал: «Наконец, работы было много в Анийском музее по чистке, приведению в порядок, размещению и описанию древностей. Здесь сделано далеко не все, что надлежало исполнить, но и то, что сделано, достигнуто благодаря тому, что в этом году я располагал прекрасными сотрудниками, работавшими в Музее дни, а иногда и ночи, не покладая рук: художником С. Н. Полторацким и студентом И. А. Орбели»²².

В сентябре 1908 г. было закончено строительство нового помещения музея. В Анийский музей древностей поступали все предметы, обнаруженные на городище начиная с 1905 г. (частично 1904 г.). Там же были сосредоточены архитектурные детали и надписи, в том числе и те, которые были собраны в 1892—1893 гг. Прочие же предметы из раскопок 1892—1893 гг. (частью и 1904 г.) попали в Эрмитаж и Исторический музей в Москве. В мечети Мануче (первое отделение) хранились мелкие детали и статуя царя Гагика, в новом музее (второе отделение) разместили надписи, архитектурные детали, крестные камни — хачкары.

Посещаемость Анийского музея была очень велика. За лето в нем бывало до двух тысяч человек. Для ознакомления с городищем и обнаруженными при раскопках предметами многие приезжали из внутренних губерний России; Ани посещало множество иностранцев²³. Иосифу Абгаровичу приходилось давать посетителям пространные объяснения, которые нередко перерастали в настоящие лекции.

В 1909 и 1910 гг., во время раскопок Н. Я. Марра в Гарни, И. А. Орбели заведовал всеми работами в Ани. Во второй половине лета 1909 г. он предпринял самостоятельную поездку в одну из областей исторической Армении — Хачен (в Нагорном Карабахе). Согласно разработанной Н. Я. Марром программе, Иосифу Абгаровичу предстояло «описать кратко христианские памятники древнего Хаченского княжества (в нынешней Елизаветпольской губернии) и собрать в его пределах и проверить известный эпиграфический материал». Мой выбор, писал далее Н. Я. Марр, «пал на студен-

²² Н. Марр, *О раскопках и работах в Ани летом 1906 г. (предварительный отчет)*, — «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. X, СПб., 1907, стр. 55.

²³ Н. Я. Марр, *Об учреждении Анийского Археологического института*, — ИАН, 1910, стр. 444.

греками данному месту. Анализируя современное название города Сухуми, Иосиф Абгарович пришел к выводу, что оно произошло от слова «Лечхум» — «страна близнецов». «Лечхум» же в свою очередь происходит от «*ḏqum*», «*ḏqum*» — «близнецы», «двойня». Это обстоятельство и побудило греков назвать город Диоскуриадой, поскольку путь аргонавтов, по их (греков) представлениям, проходил по Колхиде и они не сомневались, что местное название сохранило память о пребывании здесь диоскуров. Так же и название одного из восточночерноморских племен *HNIOXOI* — возницы — должно исправить на *HNIOXOI, ибо оно оказалось названием одного из сванских племен.

По своей тематике указанные статьи примыкают к выпускному сочинению Иосифа Абгаровича Орбели по классическому отделению «Этнография Кавказа по сведениям древних греческих и латинских писателей». Самостоятельность и оригинальность в подходе к предмету изучения сочетается в этих статьях с широкими познаниями в области классической филологии.

Кинжальная рукоять из темно-зеленого нефрита с армянской надписью... Какую задачу может поставить знакомящийся с ней исследователь? Точно описать, найти место в ряду подобных памятников, определить владельцев по сохранившейся армянской надписи в лигатурах. Такую работу и проделал И. А. Орбели, обратившись к этому изящному предмету, хранившемуся в бывшем Кавказском музее²⁹. Статья его написана с таким профессиональным умением, каким мог бы гордиться и зрелый ученый. К тому же в ней чувствуется не любованье, а подлинная любовь к памятникам прошлых культур, та серьезная и страстная любовь к ним, которую Иосиф Абгарович пронес через всю свою жизнь.

Опубликованная статья представляла вполне самостоятельную ценность, но, подготовив ее, Иосиф Абгарович не считал свою задачу завершённой. В следующем номере «Известий Академии наук» появилось продолжение: «*hАсан Джалал, князь Хаченский*»³⁰. Автор проделал скрупулезную ра-

²⁹ И. А. Орбели, *Нефритовая кинжальная рукоять с армянской надписью* — ИАН, 1909, серия VI, т. 3, № 5, стр. 377–389

³⁰ И. Орбели, *hАсан Джалал, князь Хаченский*, — ИАН, 1909, серия VI, т. 3, № 6, стр. 405–436.

боту, выбрал все сведения из произведений древних историков, колофононов рукописей и эпиграфических памятников, относящихся к владельцу кинжала, хаченскому правителю *hАсан Джалалу* (ум. в 1261 г.). В течение пяти лет *hАсан Джалал* находился в Золотой Орде при хане Мангу и тогда получил в дар кинжал с нефритовой рукоятью. Эта статья не биография отдельного феодального владельца, но картина политической жизни и быта Хаченской области в первые десятилетия монгольского владычества.

Как говорилось выше, ознакомление с рукописью этой работы дало Н. Я. Марру основание ходатайствовать о командировании И. А. Орбели в Хачен, и это же исследование было представлено в качестве выпускного сочинения по факультету восточных языков³¹.

Начали появляться и работы, посвященные Ани и его древностям. В 1910 г. в основанной Н. Я. Марром «Анийской серии» вышел составленный И. А. Орбели путеводитель по городищу Ани³². Уже три лета подряд Иосиф Абгарович проводил в Ани, детально изучил городище и его памятники, множество раз приходилось ему давать пояснения бесчисленным посетителям, так что он вполне овладел методикой показа раскопанных и раскапываемых строений, выявил наиболее удобные маршруты и пр. В результате составленный им путеводитель в доступной форме сообщал читателю все необходимые сведения о памятниках прошлого армянской столицы. Но задуманная как путеводитель для некомпетентного читателя книга содержала и научное описание анийских древностей, автор ее смело высказывал собственное мнение, знакомил читателя со своими личными наблюдениями. Это, если можно так выразиться, был научный путеводитель по Ани. К работе приложен общий план городища, составленный топографом Ф. К. Мосевичем. Пользуясь пла-

³¹ В биографию И. А. Орбели, составленную Б. Н. Аракеляном («Материалы к библиографии ученых СССР. Иосиф Абгарович Орбели», вступительная статья Б. Н. Аракеляна, составители Н. С. Власян, А. С. Манасарян, М. А. Бартикян, Ереван, 1957, стр. 11), вкралась неточность: обе статьи были представлены на заседании Историко-филологического отделения Академии наук 28 января 1909 г., стало быть, написаны не после поездки в Хачен, как утверждает Б. Н. Аракелян, а до нее.

³² Орбели, *Краткий путеводитель по городищу Ани (с планом)*, СПб., 1910 (Анийская серия, № 4).

та Иосифа Орбели, так как, с одной стороны, он три года практиковался со мною в археологических работах Ани и занимался с успехом под моим руководством сличением старых и чтением новооткрывающихся армянских надписей, а с другой стороны, сейчас он может считаться лучшим знатоком всех названных надписей Хаченского княжества, историю которого он прекрасно изучил по поводу появления нефритовой рукояти от кинжала хаченского владетеля «Асан Джалала»²⁴.

Проведя первую, большую, часть лета на раскопках в Ани, И. А. Орбели отправился в Хачен. «За время моего пребывания там, — писал он в отчете, — мне удалось объехать лишь отчасти „предгорную“ (очень гористую) часть Джеванширского уезда. Все памятники, которые посетил, относятся большей частью к XIII в., отчасти XII и XIV (далее перечисляются монастыри, которые удалось увидеть. — К. Ю.)... Во всех указанных пунктах мною скопировано 220 надписей, причем некоторая часть их до сих пор была неизвестна»²⁵.

Поездка в Хачен позволила Иосифу Абгаровичу сделать ряд ценных наблюдений, собрать важный эпиграфический материал и в то же время явилась полезной проверкой приобретенных навыков перед сложной самостоятельной поездкой в Турецкую Армению в 1911—1912 гг.

В эти насыщенные учением и полевой практикой годы начинают появляться в печати первые труды Иосифа Абгаровича Орбели. Его самая ранняя работа под названием «Similtose в Итальянской надписи и ΣΕΜΙΔΑΛΙΣ, simila, similago»²⁶ была опубликована в 1908 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» — одном из весьма солидных дореволюционных изданий, где помещали свои статьи крупнейшие ученые. Статья посвящена толкованию спорного термина в греческой надписи 391 г. до н. э. Автор полагает, что в этой надписи речь идет о *similtos* 'арора, т. е. поле, засеянное таким-то злаком, и стремится показать, что греч. *similtos* (откуда прилагательное *similtalis*) произошло от грузинского *simindi* в его древних формах. В современном грузинском *simindi* — кукуруза, в древности же это слово могло означать и пшеницу и другие злаки.

Предложенная Иосифом Абгаровичем этимология, с современной точки зрения, не может быть признана бесспорной. Но в статье налицо профессиональное мастерство молодого студента, смело оперирующего данными многих языков — древнегреческого, древнегрузинского, древнеармянского, сирийского, арабского, санскрита. Посвятив исследование частному вопросу, автор подобрал огромный материал, иллюстрирующий различные отражения одного корня. Сам И. А. Орбели отзывался впоследствии о своей первой печатной работе с неоправданной суровостью. «Когда мне было 19 лет, я прочел удачный доклад, который был напечатан в Журнале Министерства Народного Просвещения. Меня похвалили, я увлекся этим и „доработал“ статью, прибавив к ней примеры из языков, которые я или плохо знал в то время (арабский) или совсем не знал (санскрит), — но мне хотелось показать всю свою эрудицию. В результате я подвергся такой порке, какой никогда не забуду. С тех пор я твердо усвоил, что в лингвистическом исследовании имеешь право приводить в качестве примера только слова из текстов, которые ты читал, а не выхватил их из словаря»²⁷.

В том же журнале Иосиф Абгарович поместил и вторую свою статью, где классическая филология смыкается с исследованием кавказской топонимики на материале местных языков²⁸. На основании сведений, черпаемых из произведений античных авторов, Иосиф Абгарович доказывал, что развалины Диоскуриады следует искать в 23—25 верстах от реки Кодор по направлению к Пицунде. Здесь протекает речка, одно из названий которой звучит как Искурия; она впадает в море у мыса, носящего название Исаур, Искурге, Искурия. И. А. Орбели опровергает мнение, что греческая Диоскуриада появилась на основе местной Искурии. Правильнее, считает он, обратное предположение. Но название «Диоскуриада» связано с легендарными аргонавтами — диоскурами Кастором и Полидевом, и оно не случайно присвоено

своею статью, где классическая филология смыкается с исследованием кавказской топонимики на материале местных языков²⁸. На основании сведений, черпаемых из произведений античных авторов, Иосиф Абгарович доказывал, что развалины Диоскуриады следует искать в 23—25 верстах от реки Кодор по направлению к Пицунде. Здесь протекает речка, одно из названий которой звучит как Искурия; она впадает в море у мыса, носящего название Исаур, Искурге, Искурия. И. А. Орбели опровергает мнение, что греческая Диоскуриада появилась на основе местной Искурии. Правильнее, считает он, обратное предположение. Но название «Диоскуриада» связано с легендарными аргонавтами — диоскурами Кастором и Полидевом, и оно не случайно присвоено

²⁴ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15792, л. 9 (автограф письма Н. Я. Марра от 17 января 1909 г., адресованного факультету восточных языков).

²⁵ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15792, л. 153 (автограф И. А. Орбели с заключением Н. Я. Марра: «Признаю удовлетворительным»; пометка: «К протоколу 23 окт. 1909 г.»)

²⁶ См. ЖМНП, 1908, новая серия, ч. 18, декабрь, стр. 521—531.

²⁷ И. А. Орбели, *Моя научная работа*.

²⁸ И. Орбели, *Город близнецов ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ и племя возниц ΝΝΙΟΥ-ΧΟΙ*, — ЖМНП, 1911, новая серия, ч. 33, май, стр. 195—215.

ном, можно легко определить местонахождение описываемых в путеводителе памятников.

Еще большее научное значение представлял составленный И. А. Орбели каталог Анийского музея³³. В предисловии к нему Иосиф Абгарович кратко излагает историю раскопок с 1892 по 1909 г. включительно, приводит необходимую библиографию. В каталоге описаны предметы первого отделения музея со ссылками на литературу. Здесь сполна проявилось отличное знание экспонатов, умение найти точные слова для их описания и, главное, самостоятельно их осмыслить. Так, мастерски описана статуя царя Гагика, раскопанная в 1906 г. (стр. 1—5), и модель круглого храма на руках статуи (стр. 5—6). Страницы, посвященные детскому захоронению и найденному в нем одеянию девочки-княжны пяти—шести лет (стр. 33—39), представляют собой небольшой этюд, посвященный одежде имущих классов Ани в начале XIII в. Весьма подробно Иосиф Абгарович описывает реставрированную им же медную люстру (стр. 39—43). Наконец, очень интересно описание так называемых ртутных сосудов (стр. 73—74). Назначение подобных сосудов (их находили в большом количестве в Малой Азии и Средней Азии) долгое время оставалось загадкой, пока в одном из целых экземпляров не нашли следов ртути; последующие наблюдения показали, что в таких сосудах хранили или перевозили ртуть. Эти сосуды «сделаны из очень плотной серой глины; по большей части они бывают яйцевидной формы с небольшим шариком наверху, служащим горлышком; отверстие обыкновенно бывает чрезмерно маленького диаметра; обращает внимание значительная толщина стенок, а в особенности дна. Сосуды эти обыкновенно хорошо орнаментированы, а на некоторых экземплярах бывают различные знаки и буквы».

В другой работе — «Развалины Ани»³⁴ — Иосиф Абгарович так описывает эти предметы: «От обыкновенной посуды должны быть отличены особые, обыкновенно яйцевидные сосуды (XI—XIV вв.) с очень узким устьем и толстыми стенками, покрытые разнообразными, весьма мелкими рельеф-

³³ И. Орбели, *Каталог Анийского музея древностей. Выпуск I. Описание предметов первого отделения (с 26 рисунками в тексте и 1 таблицей)*, СПб., 1910 (Анийская серия, № 3).
³⁴ И. Орбели, *Развалины Ани. История. Современное состояние. Раскопки*, СПб., 1911, стр. 50.

ными украшениями. Вероятнее всего, что это — туалетные флаконы. Они попадаются во всех почти странах Передней Азии, а также в Туркестане. Раскопки 1910 года дали небывалое количество подобных сосудов, всего 14 целых и 250 обломков; в настоящее время анийская коллекция этих сосудов (24 целых и 600 фрагментов) одна из самых богатых и дает прекрасный материал для исследования назначения, а также способа и места производства этих оригинальных предметов. Бесспорно, они фабриковались в Ани, хотя нет оснований признавать за этими сосудами исключительно анийское происхождение».

Эти находки послужили толчком к специальному исследованию И. А. Орбели о ртутных сосудах и технике их изготовления, оставшемся, к сожалению, в рукописи³⁵.

Путеводитель и каталог, составленные Иосифом Абгаровичем, явились в свое время ценным вкладом в научную литературу об анийских древностях; в последующие же годы их значение особенно возросло. После 1917 г. раскопки в Ани не возобновлялись. Анийские находки постигла печальная судьба — при эвакуации в 1918 г. из Анийского музея часть их погибла, по-видимому, безвозвратно. Много лет спустя И. А. Орбели писал об этом с горечью и возмущением: «Разгром Анийского музея и анийской научной базы бродившими в тылу Кавказского фронта бандами, безобразно и неумело выполненная эвакуация анийских коллекций и архивных материалов, беспремерное по легкомыслию оставление ответственным лицом на произвол судьбы вагонов, в которых (из Петрограда.— К. Ю.) направлялись на Кавказ в не ко времени созданный Кавказский институт архивные материалы, фотографии, чертежи и другие документы из Петербурга (в конце октября 1917 г.), привел к тому, что значительная часть накопленного и созданного Марром и его школой научного богатства погибла. Уцелели лишь клочки, уцелели и те листики, которыми пользовался Марр из года в год, читая свои всегда по-новому углубляющие предмет

³⁵ См. также: Р. М. Джанполадян, *Сфероконические сосуды из Двина и Ани*, — «Советская археология», 1958, № 1. — Автор приходит к выводу, что сфероконические сосуды, изготовляемые из глины, стекла и в некоторых случаях из металла, использовались как тара для хранения и перевозки различных масел, лекарств, благовоний и других ценных жидкостей (стр. 213).

публичные лекции; уцелела в Эривани и ничтожная часть анийских археологических коллекций, вывезенных из Ани в буквальном смысле слова под выстрелами»³⁶. Поэтому точные описания И. А. Орбели наряду с отчетами Н. Я. Марра и его известной монографией «Ани»³⁷ приобретают особую ценность, в какой-то степени восполняя пробел, вызванный утратой ценнейших памятников материальной культуры.

Завершив составление путеводителя и каталога, И. А. Орбели смог приступить к написанию общедоступного очерка «Развалины Ани»³⁸. «В течение наиболее продолжительного периода своей жизни,— писал И. А. Орбели,— Ани был не столицей, а только большим торговым, промышленным и культурным городом, резиденцией не царей, которых во внутренней Армении тогда уже не было, а лишь местом правителей, причем в большинстве случаев — иноземных»³⁹.

Историю Ани И. А. Орбели излагает по концепции Н. Я. Марра, сложившейся в ходе исследования археологических находок. «С переходом Ани в руки иноземцев,— пишет И. А. Орбели,— внутренняя жизнь его мало изменилась. Следует оставить устарелое и ошибочное мнение, что расцветом Ани была эпоха Багратидов, что позднейшая жизнь города была лишь его умиранием... Несмотря на иноземное господство, несколько не утерялся чисто местный облик города, в изобилии воспринявшего богатые результаты культурного творчества соседних народов»⁴⁰. «Вообще, в эпоху политической зависимости, с половины XI в. по XIV в., Ани не перестает цвести и развиваться как армянский город. Иногда самая зависимость, никогда не ставившая Ани в состояние

³⁶ И. А. Орбели, *Блестящая страница в истории археологии*,— ПИДО, 1934, № 9—10, стр. 197.

³⁷ Н. Я. Марр, *Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища*, М.—Л., 1934.— В предисловии Н. Я. Марр отмечал, что к изданию его книги «был привлечен из специалистов наиболее близкий этому делу и наиболее авторитетный для настоящего труда проф. И. А. Орбели...» (стр. XI—XII).

³⁸ Весь доход от продажи книги поступил в пользу Анийского музея древностей. В том же 1911 г. в энциклопедическом журнале «Арагат» появился армянский перевод книги, вышедший и отдельным изданием.

³⁹ И. Орбели, *Развалины Ани. История. Современное состояние. Раскопки*, стр. 3—4.

⁴⁰ Там же, стр. 4—5.

духовной и экономической порабощенности, из номинальной становилась призрачной»⁴¹.

Вслед за политической историей Ани Иосиф Абгарович дает живое описание архитектурных памятников на территории городища и за его пределами, описание экспонатов Анийского музея древностей и завершает очерк словами Н. Я. Марра: «Гордость Кавказа — украшения и сокровища, которыми наделила его природа. Наравне с лучшими из них Кавказ может гордиться и одним культурным даром неба — развалинами Ани, этой крупнейшей жемчужиной в его археологическом венце»⁴².

Несмотря на то что книжка опубликована более сорока лет назад, она не утратила своего значения, так что и ныне может служить прекрасным введением в изучение Ани и его древностей.

Отличное знание анийского материала предопределило успех при исследовании И. А. Орбели медного колокола с изображением креста⁴³.

В 1908 г. владелица колокольного завода в гор. Слободском (бывшей Вятской губернии) прислала в Археологическую комиссию фотографию колокола, доставленного ей из Поти⁴⁴. И. А. Орбели взялся за его изучение, обратив основное внимание на крест. «Тут в распоряжении исследователя имеется богатейший сравнительный материал: количество крестов, точнее крестных камней, разбросанных по всей Армении, буквально не поддается исчислению. Все эти кресты имеют один и тот же характер, позволяющий с уверенностью признать за ними армянское происхождение»⁴⁵. Иосиф Абгарович тщательно проследил эволюцию форм армянских крестов и пришел к выводу, что «колокол стоит в более тесной связи с памятниками Ани и его областей, если только это не объясняется сравнительно лучшей осведомленностью нашей в древностях этого города, единственного пока во всей

⁴¹ Там же, стр. 25.

⁴² Н. Я. Марр, *Об учреждении Анийского Археологического Института*, стр. 438.

⁴³ И. Орбели, *Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII века*,— ЗВО, 1910, т. XX, стр. 023—039.

⁴⁴ Ныне колокол хранится в Государственном Эрмитаже.

⁴⁵ И. Орбели, *Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII века*, стр. 024—025.

Армении подвергающегося систематическому исследованию... Если бы колокол действительно был отлит в сфере культурного влияния Ани, что более чем вероятно, то время его изготовления можно с несомненностью определить периодом XII—XIII вв.»⁴⁶

В эти же годы И. А. Орбели получил лестное предложение Н. Я. Марра и С. А. Жебелева написать для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона статью об армянском искусстве⁴⁷. К этому изданию были привлечены крупнейшие ученые; в том же томе статьи по армянскому языку, литературе, истории были написаны Н. Г. Адонцем.

При написании статьи помимо специальной литературы Иосиф Абгарович воспользовался своим непосредственным знанием памятников и предложил стройную схему развития архитектуры, скульптуры, орнамента, стенной живописи и миниатюры (последний раздел, правда, получился очень сжатым, поскольку в те годы научное изучение армянской живописи только начиналось).

Весьма интересны теоретические положения И. А. Орбели, высказанные им в этой статье: «Искусство христианской Армении обыкновенно рассматривается в связи с родственным ему искусством Грузии: слишком тесное сближение армянского и грузинского искусства отчасти должно объясняться незнакомством с местонахождением некоторых памятников и пристрастием отсюда приписыванием памятников грузинских Армении и наоборот»⁴⁸. Далее, настаивая на самобытности армянского искусства, Иосиф Абгарович решительно не соглашается видеть в последнем ответвление византийского искусства. Более того, «...намечаются факты,— пишет он,— указывающие на то, что само армянское искусство являлось одним из источников тех течений, которые были усвоены византийским и прочно привились в нем»⁴⁹. При этом, разумеется, ученый никак не исключал тех влияний, которые оказали на армянское искусство культуры соседних народов. Он проводит яркую параллель между разви-

тием армянской архитектуры и литературы. В обоих случаях заметно влияние сирийской культуры, которое впоследствии в силу конфессиональных обстоятельств было вытеснено греческим.

В последующие годы в «Новом энциклопедическом словаре» были помещены еще две статьи И. А. Орбели — «Грузинское искусство» (т. 15) и «Мусульманское искусство» (т. 27). Говоря о грузинском искусстве, Иосиф Абгарович подчеркивал, что оно, развиваясь «на значительной территории, вследствие и условий местности, и этнических причин, хотя и объединено в целом общими принципами, однако проявляется в довольно разнообразных формах, дробясь на особые группы по древним образцам. Христианское искусство Грузии тесно связано с армянским, но, рассматривая их в общей связи, следует избегать их смешения. Особую группу памятников составляют созданные в области со смешанным армянским и грузинским населением и соединяющие в себе элементы, свойственные и грузинскому и армянскому художественному творчеству. Здесь особенно сильно сказывается влияние исповедальных течений»⁵⁰.

Статья о мусульманском искусстве в значительной степени написана на основе имевшейся научной литературы и публикаций, но и в ней проявился самостоятельный подход Иосифа Абгаровича к памятникам. Очень важны, например, его развитые впоследствии положения о происхождении сельджукских башенных мавзолеев от куполов армянских и грузинских храмов. За истекшие десятилетия наука, конечно, обогатилась множеством новых данных, что делает неизбежным пересмотр некоторых старых представлений; сам И. А. Орбели, в частности, внес впоследствии большой вклад в принципиально новое осмысление так называемого «мусульманского искусства». Тем не менее эти статьи, написанные полвека назад, далеко еще не утратили своего научного значения.

* * *

В 1911 г. И. А. Орбели окончил университет по двум факультетам. К этому времени он имел уже девять опублико-

⁵⁰ Там же, т. 15, стлб. 126.

⁴⁶ Там же, стр. 038.

⁴⁷ «Новый энциклопедический словарь». Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, СПб., т. 3, стлб. 664—674.

⁴⁸ Там же, стлб. 664.

⁴⁹ Там же, стлб. 665.

ванных трудов. Вполне подготовленный к самостоятельной исследовательской работе, молодой ученый летом 1911 г. предпринял поездку, которая запечатлелась в его памяти на всю жизнь и оказала воздействие на его научные воззрения. Речь идет об экспедиции в Турецкую Армению, в горный район Мокс⁵¹.

И. А. Орбели был на последнем курсе факультета восточных языков, когда на заседании историко-филологического отделения Академии наук 22 сентября 1910 г. Н. Я. Марр предложил послать в Ванскую область специалиста, который мог бы заняться тамошними древностями и приступить к сбору диалектологических материалов. Таким лицом, по мнению Н. Я. Марра, мог быть И. А. Орбели. Характеризуя его, Н. Я. Марр говорил, что «он может выполнить часть намеченных работ, диалектологическую, историко-литературную по текстам св. писания и археологическую по христианским древностям и дать отчет о материалах по другим частям. И. А. Орбели прослушал полный курс Историко-филологического факультета по классическому отделению и в текущем году кончает факультет восточных языков; с 1906 г. он непрерывно участвует каждое лето в моих археологических работах в Ани; в 1909 г., получив студенческую командировку от Факультета восточных языков, он совершил самостоятельную поездку в пределы древнего армянского княжества Хачен, откуда им вывезен целый ряд новых армянских надписей и обстоятельный отчет с любопытными наблюдениями над местными архитектурными памятниками... В настоящее время г. Орбели готовит специальное исследование о ртутных сосудах по многочисленным фрагментам и целым экземплярам из анийских раскопок и в то же время дослушивает курс по армянской диалектологии»⁵².

Рекомендация Н. Я. Марра была принята, и И. А. Орбели

⁵¹ См.: И. А. Орбели, *Предварительный отчет о командировке в Азиатскую Турцию в 1911—1912 гг.*, — ИАН, 1912, серия VI, № 15, стр. 917—926. — Мною использовано также развернутое предисловие к работе И. А. Орбели «Моксские армянские тексты с переводом», которая в настоящее время хранится в его архиве.

⁵² «Извлечения из протоколов заседаний Академии. Историко-филологическое отделение. Заседание 22 сентября 1910 г.», — ИАН, 1910, стр. 1411—1412.

взялся за изучение мушского и моксского наречий армянского языка⁵³.

1 июля 1911 г. Иосиф Абгарович выехал из Батуми в Константинополь и через Трапезунд, Байбурт и Эрзерум направился в Ван. По пути он успевал фотографировать и описывать архитектурные памятники и надписи. 14 августа он прибыл в Ван и здесь окончательно решил сосредоточиться на изучении наречия армянского населения Мокса. Эта область расположена к югу от Ванского озера и со всех сторон окружена горами. Иосиф Абгарович верхом направился в Мокс и пробыл там пять недель. Управление этой древней областью было сосредоточено в «городе» Моксе с его пятью кварталами, собственно, пятью почти слившимися деревнями. Здесь на возвышении находился дом мудира (правителя) Мокса, одновременно и старшего из курдских бегов — Муртулла-бега.

Постоянное оседлое население Мокса составляли армяне (672 дома), курды (мусульмане-сунниты, 640 домов) и цыгане-джингана (4—5 домов). Здесь же проживали три-четыре семьи турецких чиновников, направленных в Мокс по службе.

И. А. Орбели приступил к сбору материала по наречию моксских армян, составил специальный диалектологический словарь. «В словарь вошли все слова и выражения домашнего обихода, касающиеся полевых работ, ремесел, названия животных, растений, — словом всего, что можно было наблюдать вокруг себя... Ценную услугу мне оказали дети, смотревшие на мою работу как на забаву для себя и поминутно прибегавшие спросить, записал ли я то или иное слово или нет»⁵⁴. В этот же список вошли добытые с большим трудом слова из тайного языка катанов (валяльщики и шерстобитов), которые жили в некоторых районах Мокса, но каждую осень уходили на промысел. Иосифу Абгаровичу удалось составить специальные таблицы склонений св-

⁵³ «Приходится, конечно, много заниматься, готовиться к этой поездке, потому что как по условиям, так и по существу своему эта работа весьма ответственная, — писал И. А. Орбели родителям — Сейчас главным образом готовлюсь по языку. Это, собственно, самая трудная, но и основная цель поездки» (письмо от 12 декабря 1910 г.; хранится в архиве И. А. Орбели).

⁵⁴ И. А. Орбели, *Предварительный отчет ...*, стр. 918.

ше ста имен и полные парадигмы спряжения сорока с лишним глаголов. Одновременно он записывал и тексты — басни, сказки, забавные рассказы, в которых «горожане» Мокса с юмором (порой довольно ядовитым) высказывались о нравах сельчан. Записал он также баллады, песни, пословицы и поговорки.

Проведя зиму в Ване, весной 1912 г., как только открылась дорога, И. А. Орбели вновь отправился в Мокс. Во время второй поездки он завершил свою работу над армянскими текстами и продолжил начатое еще в Ване изучение языка моксских курдов и их сказаний. Был составлен курдский словарь (словником послужил словарь моксского армянского наречия), одновременно были проверены и старые словари.

Наблюдения Иосифа Абгаровича послужили материалом для увлекательнейшей вступительной статьи к публикации моксских текстов — этнографического очерка Мокса. Многие обычаи, быт населения края восходили к седой старине. Так, и в «городе» Моксе и в селении Дзевастан И. А. Орбели мог наблюдать сооружения из громадных плит; внутри сооружений всегда оказывались гигантские колеса из твердого камня с покатою гранью окружности, т. е. имеющие трапециевидное сечение. Это были маслодавили, которые могли служить также крупорушками. Такие колеса были известны в Ани, Мрене, а позднее, в 1936 г., Иосиф Абгарович обнаружил их при раскопках крепости Анберд, но только в Моксе он мог видеть их в работе.

В доме Муртуллы-бега ученый обратил внимание на возвышавшуюся на подоконнике гору квадратных плоских подушек, как бы мягких тюфячков. По вечерам хозяина дома посещало множество гостей — курдов и армян, и Иосиф Абгарович видел, как эти подушки выкладывались на пол, а на них усаживались почетные посетители. Наиболее именитый мог получить вторую подушку. Эти подушки подкладывались мехмандаром («гостеприимцем»), причем в одних случаях хозяин подавал знак, в других — мехмандар подносил подушку, не ожидая знака, а к тем подушкам, которые предназначались для самых почетных гостей, хозяин прикасался пальцем. Гости усаживались на полу по старшинству и именитости, и это живо напоминало обычай, существовавший при дворе как персидских, так и армянских царей: подушка

(бардз) одновременно символизировала и место, занимаемое феодалом в иерархии⁵⁵.

Поездка в Мокс оказала большое влияние на мировоззрение И. А. Орбели. Трагедия армян, переживших избиения 1895—1896 гг., нашла отклик во всем мире; в России, в частности, о бедственных судьбах армянского народа подробно сообщалось и в специальных трудах и в периодической печати. Известно, что, стремясь обеспечить успех своей шовинистической политики, султанское правительство подкупало курдскую феодальную верхушку, натравливало курдов на трудовое армянское крестьянство. Обо всем этом И. А. Орбели знал, разумеется, не из одних только литературных источников. И вот он попадает в горную область, где мирно соседствуют армяне и курды, где тесно переплетаются формы их быта, переплетается фольклор. Огромное впечатление произвел на молодого ученого Муртулла-бег. «Живу в доме мудира (участкового пристава), курдского бея, — писал он из Мокса родителям в начале сентября 1911 г., — одного из немногих защитников армян во время резни⁵⁶ и большого русофила. Я редко видел более симпатичного и красивого старика. А главное, он изумительно культурный, хотя дальше Вана никуда не ездил. Относится ко мне прекрасно»⁵⁷.

О моксских курдах, их душевных качествах Иосиф Абгарович сохранил самую добрую память. Здесь, в Моксе, как много раз говорил ученый впоследствии, он понял, что не курдский народ, а провоцировавшая его турецкая администрация была злейшим врагом армян и что в таких обособленных районах, как Мокс, курды и армяне живут в добром согласии. Много лет спустя, заканчивая предисловие к «Мокским армянским текстам», И. А. Орбели с горечью писал, что от резни 1915 г. спаслось лишь несколько армянских семей, курдское население также не избегло участи армянского и частью было истреблено, частью бежало и что Мокс

⁵⁵ Такие подушки изображены и на сасанидских блюдах Эрмитажа — царь Хосров Аноширван восседает на троне, имея под рукой гору подушек в чехлах из парчовой ткани (см например: И. А. Орбели и К. В. Тревер, *Сасанидский металл*, М.—Л., 1935, табл. 13 и 16).

⁵⁶ Как пишет И. А. Орбели в предисловии к «Мокским армянским текстам», во время резни 1895 г. деревня Возим была окружена огромной толпой рассвирепевших фанатиков, и только самоотверженное вмешательство Муртуллы-бега спасло возимцев.

⁵⁷ Оригинал письма хранится в архиве И. А. Орбели

обезлюдил: «А в 1911—1912 гг., когда я побывал в Моксе, там жило много людей, протекала трудовая, бесправная, тяжелая, но не вовсе лишенная маленьких радостей жизнь. И потому особенно грустно сознавать, что то немногое, что я успел записать в Моксе — и этот небольшой сборник текстов, и армянский, и курдский словари, — является едва ли не последним свидетельством о языке, укладе жизни, обычаях, труде и радостях нескольких тысяч сынов двух народов, армян и курдов». Быть может, здесь уместно лишний раз вспомнить, что подлинный интернационализм был органической чертой И. А. Орбели, и ему он оставался верен до последних дней своей жизни.

В Ване Иосиф Абгарович интересовался также урартскими древностями. Не имея специального разрешения, он должен был ограничиться небольшими раскопками на холме Топрак-Кала близ города Ван, где незадолго до этого работала большая экспедиция немецкого археолога Белька. Раскопки были удачны — на склоне холма Иосифу Абгаровичу посчастливилось найти обломки мраморного фриза с изображением быков и деревьев в рамке из геометрического орнамента⁵⁸. Помимо этого у местных жителей и торговцев древностями («антикаджи») Иосиф Абгарович приобрел много предметов — печатку с изображением грифона, обломок пифоса с клинообразной надписью, обломок каменной фигурки, изображающей птицу. В селении Аспацашен (Аствацашен) ему удалось приобрести урартские бронзовые и железные наконечники стрел, бусы, часть брони и пр. Впоследствии все эти предметы поступили в Эрмитаж⁵⁹.

Вернувшись из Вана, Иосиф Абгарович Орбели сделал в Петербурге обстоятельные доклады о своей поездке — на историко-филологическом отделении Академии наук 3 ок-

⁵⁸ См. Б. В. Фармаковский, *Архаический период в России*, — «Материалы по археологии России», 1914, № 34.

⁵⁹ О раскопках, изучении и собирании урартских памятников см.: И. А. Орбели, «Предварительный отчет...», стр. 922—923. — Подробнее см. доклад И. А. Орбели, прочитанный на заседании Восточного отделения Русского археологического общества, текст которого сохранился; ср. протокол заседания от 20 декабря 1912 г. (ЗВО, т. XXI, вып. IV, 1913, стр. LXXVIII—LXXX). — Обнаруженные И. А. Орбели эпиграфические памятники частично опубликованы Н. Я. Марром (см.: Н. Я. Марр. *Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению*, — ЗВО, т. XXIV, 1917).

тября 1912 г.⁶⁰ и на заседании Восточного отделения Русского археологического общества 20 декабря 1912 г.⁶¹, — воспринятые научной общественностью с большим интересом.

Теперь Иосиф Абгарович мог приступить к магистерским экзаменам — с 1 сентября 1911 г. по 1 сентября 1914 г. И. А. Орбели числился оставленным при университете⁶². 24 января 1914 г. Иосиф Абгарович сдал экзамены на степень магистра армянской филологии (по истории Армении и истории Грузии)⁶³ и начал готовиться к преподаванию на факультете восточных языков. 25 апреля 1914 г. состоялась пробная лекция И. А. Орбели «О зависимости сельджукских купольных мавзолеев и надгробий от соответственных армянских памятников»⁶⁴, и с 1 июня 1914 г. он вошел в состав приват-доцентов (штатно) по кафедре армяно-грузинской филологии. 6 октября он прочел вступительную лекцию к объявленному им курсу «Армянские ктиторские надписи области Ширак»⁶⁵.

Число сохранившихся армянских лапидарных надписей пока не поддается исчислению. На наружных (редко внутренних) стенах монастырских или церковных зданий находится порой до нескольких десятков надписей, высекавшихся на протяжении столетий. Надписи встречаются также на крестных камнях — хачкарах, могильных памятниках, стелах и пр. Значение их для науки очень велико. Надписи фиксируют покупки и дарения, подати и налоги, рассказывают об основании монастырей, закладке церковных зданий (кти-

⁶⁰ Опубликован в виде цитированного выше «Предварительного отчета о командировке в Азиатскую Турцию в 1911—1912 гг.». Об этом же докладе И. А. Орбели упоминает в небольшом письме акад. А. А. Шахматову (ААН, ф. 134, оп. 3, № 1091, л. 3).

⁶¹ См. протокол заседания от 20 декабря 1912 г. (ЗВО, т. XXI, вып. IV, 1913, стр. LXXVIII—LXXX). — Об экспедиции И. А. Орбели в Ванский вилайет см. также «Отчет о деятельности... общества русских ориенталистов за 1911 год», СПб., 1912, стр. 43, 44.

⁶² См. «Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков Императорского бывшего Петербургского, ныне Петроградского Университета с 1819 г.», [Пг.], стр. 16.

⁶³ «Дела факультета восточных языков 1909—1914 гг.», л. 45. Эта папка хранится пока в Научной библиотеке им. М. Горького Ленинградского государственного университета.

⁶⁴ Там же, л. 54.

⁶⁵ Там же, лл. 63 и 64. Ширак — область в северо-западной части Армении с центром в Ани.

горские надписи), упоминают об исторических событиях и т. п. О многом можно узнать, обратившись к этой «летописи на камнях». Надписи, подчеркивал Иосиф Абгарович во вступительной лекции, являются важнейшим источником для изучения «внутренней жизни страны, общественного строя, управления, наконец, частной жизни»⁶⁶.

Как исторический источник надписи привлекали внимание уже средневековых писателей, таких, как Степанос Орбелян (XIII в.) или Киракос Гандзакеци (XIII в.)⁶⁷. В XIX в. собиранием и публикацией лапидарных надписей был занят ряд ученых: М. Бжшкян, М. Броссе, В. Ланглуа, И. Шахатунянц, С. Джалалянци, Г. Алишан, Е. Лалаян и многие другие. Их публикации содержали множество ошибок — сделанные рукой исследователя дополнения выдавались за подлинный текст, палеографические особенности начертания надписи нередко игнорировались, тем не менее стараниями этих ученых надписи вошли в научный обиход. В стороне от эпиграфики не остался и Н. Я. Марр. В 1892 и 1893 гг. наряду с раскопками в Ани он интенсивно собирал надписи и проверял их старые чтения⁶⁸. Эти работы должны были послужить началом создания полного свода армянских надписей Марр, однако, приостановил их, а через два десятилетия работа была перепоручена И. А. Орбели⁶⁹.

Трудности, подстерегающие эпиграфиста — в данном случае с ними встретился и И. А. Орбели, — весьма своеобразны. Камень, на котором высечена надпись, может быть расположен в недоступном уголке церковного здания, и тогда прочесть ее возможно только либо с помощью бинокля, либо со специальных лесов, подведенных к камню. Нередко попадают надписи со сбитыми буквами или строчками, и эпиграфист восстанавливает текст по неясным шероховатостям. Эпиграфическое письмо изобилует лигатурами, когда

на одну букву нанизываются элементы двух или трех других, и тут требуется особое умение для дешифровки подобной надписи. Но мало прочесть надпись, надо и истолковать ее, а это требует весьма разносторонних знаний и в области истории и в области филологии. Резчики особой грамотностью не отличались, они не стремились избегать народных форм языка, причем то или иное непонятное слово можно порой встретить только в данной надписи. Далеко не все надписи содержат дату, и тогда приходится определять время, исходя из палеографических особенностей написания и из содержания надписи. Часто, наконец, приходится устанавливать, подлинная ли это надпись или поздняя подделка (не говоря уж о случаях, когда поврежденная надпись возобновлялась с теми или иными изменениями в более позднее время).

Приступая к публикации надписей, И. А. Орбели очень скоро убедился, что старые труды в этой области никак не соответствовали резко возросшим требованиям современной науки. Пришлось разрабатывать свою методику, используя достижения греческой и латинской эпиграфики. Но этого мало. Необходимо было воспроизвести надписи типографским способом. Для этой цели по заказам И. А. Орбели и под его неусыпным наблюдением были отлиты все лигатуры, которые могли встретиться в армянских лапидарных надписях⁷⁰. Это обеспечило необходимую точность при публикации надписи в ее оригинальном начертании. Преодолев трудности технического порядка, Иосиф Абгарович мог дать простор своей исследовательской мысли.

Статьями, напечатанными в «Христианском Востоке»⁷¹, в

⁷⁰ В годы блокады Ленинграда созданный по эскизам И. А. Орбели армянский эпиграфический шрифт был, по недосмотру, перелит К счастью, в архиве Иосифа Абгаровича сохранились многочисленные материалы (вплоть до раскладки в кассе), с помощью которых можно без труда восстановить этот шрифт во всем его многообразии.

⁷¹ И. А. Орбели: *Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в.*,— ХВ, т. II, вып. 1, 1913, стр. 105—142; *Шесть армянских надписей VII—X вв.*,— ХВ, т. III, вып. 1, 1914, стр. 72—91, *Указатель слов и имен к 13 армянским надписям VII века*,— там же, стр. 95—100; *Две строительские надписи князей Камсараканов*,— ХВ, т. LI, вып. 3, 1914, стр. 297—306; *Багаванский храм и его надписи*,— ХВ, т. V, вып. 2, 1915, стр. 129—143; *Армянские надписи на камне*,— там же, стр. 147—154; [И. А. Орбели:] *Надпись Санаинского моста*,— ХВ, т. IV, вып. 2, 1915, стр. 191—192; *Надписи Беркадзорского моста*,— там же, стр. 192—194

⁶⁶ Текст лекции хранится в архиве И. А. Орбели.

⁶⁷ Р. Джанполадян, *«История Армении» Киракоса Гандзакецкого и надписи Нор-Гетика*,— в кн.: *Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели*, М.—Л., 1960.

⁶⁸ Н. Марр: *Имя «Бут» или «Буд» в армянской надписи VII века по Р. Х.*,— ЗВО, т. VII, 1893; *Новые материалы по армянской эпиграфике*,— ЗВО, т. VIII, 1894.

⁶⁹ Н. Марр, С. Ольденбург, И. Крачковский, *Записка об ученых трудах И. А. Орбели*, стр. 575; В. А. Миханкова, *Николай Яковлевич Марр*, стр. 52.

научный обиход введен ряд новых надписей и уточнены чтения известных ранее. Помимо превосходных публикаций и переводов надписей эти работы содержат глубокие исследования историко-филологического и эпиграфического характера, посвященные издаваемым памятникам. И. А. Орбели интересовался древнейшими надписями (начиная с VII в.), и ныне ни один историк, занимающийся этой эпохой, не может игнорировать его важных наблюдений и глубоких выводов, касающихся и имен, и хронологии, и терминов. Анализируя надписи, Иосиф Абгарович, в частности, смог убедительно показать, что некоторые памятники, слышущие подлинными, в действительности являются позднейшими воспроизведениями поврежденного или утраченного оригинала.

Представляя самостоятельную ценность, эти исследования И. А. Орбели в то же время должны были послужить основой для корпуса армянских надписей. О том, как мыслит это издание Иосиф Абгарович, можно судить по подготовленному им первому выпуску «Памятников армянской эпиграфики»⁷².

Выпуск охватывает надписи монастыря Мармашен, расположенного в нескольких километрах на северо-запад от современного Ленинакана. Издание начинается с краткого описания как архитектурного комплекса монастыря, сохранившегося на своих стенах надписи, так и одиночных камней. Далее, под заголовком, указывающим на местонахождение соответствующего памятника, с помощью лигатурного шрифта воспроизводится надпись (с обозначенными лакунами, если таковые имеются). Затем следует текст в препарированном виде — лигатуры раскрываются, намечается словораздел там, где это возможно, восстанавливаются лакуны, в некоторых случаях восполняются пропуски букв, допущенные резчиком, или отмечается повторение букв. Если надпись издается впервые, публикация снабжается библиографией. Издание включает указатели личных имен, географических и этнических названий, таблицы с фотографическими воспроизведениями надписи, которые дают полное представление о характере написания букв.

⁷² «Памятники армянской эпиграфики. I. Надписи Мармашена». Собрал и подготовил к печати Иосиф Орбели. С тремя автотипическими таблицами. Издание Анийского музея древностей, Пг., 1914.

Руководствуясь собственной методикой, Иосиф Абгарович подготовил впоследствии свод армянских надписей Ши-рака, но это издание не было доведено до конца — наводнение в Ленинграде в 1924 г. погубило часть подготовленных и отпечатанных таблиц. Ныне эта работа должна составить первый выпуск издаваемого Академией наук Армянской ССР «Свода армянских надписей». Как сказано в предисловии к вышедшему уже второму выпуску, издание основано на методике И. А. Орбели⁷³.

В десятые годы нашего века из печати выходит целый ряд работ И. А. Орбели. Еще в августе 1909 г., путешествуя по Хачену, он имел возможность ознакомиться с тринадцатью крестными камнями XII и XIII вв., на которых сохранились барельефы — бытовые сцены. Этот материал был положен в основу статьи, опубликованной им в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества»⁷⁴. «Почти все эти рельефы, — пишет И. А. Орбели, — изображают вооруженных всадников, в одиночку или в сочетании с другими фигурами. Большинство всадников, за исключением одного, — воины, и их изображения особенно интересны потому, что являются пока почти единственными воспроизведениями армянских воинов ранней монгольской эпохи, взятыми прямо из жизни... Работа этих рельефов крайне груба, и в художественном отношении они не представляют ничего интересного; они важны по своему содержанию»⁷⁵.

Кроме описания и анализа реалий И. А. Орбели в статье опубликовал и прочитанные им надписи на этих камнях.

В 1913 г. И. А. Орбели на заседании Восточного отделения Русского археологического общества прочел доклад о двух серебряных ковшах армянской работы⁷⁶. Этот доклад был опубликован в «Христианском Востоке»⁷⁷. Один из ков-

⁷³ См. «Свод армянских надписей. Вып. II. Горисский, Сисанский и Кафанский районы». Составил С. Г. Бархударян, Ереван, 1960, стр. 6 (на арм. яз.).

⁷⁴ И. Орбели, *Бытовые рельефы на хаченских крестных камнях XII—XIII вв.*, — ЗВО, т. XXII, вып. III—IV, 1915, стр. 327—335

⁷⁵ Там же, стр. 327.

⁷⁶ ЗВО, т. XXII, вып. I—II, 1914, стр. XI—XII.

⁷⁷ И. А. Орбели, *Два серебряных ковша XVI века с армянской и греческой надписями*, — ХВ, т. V, вып. I, 1916, стр. 1—13. — Ср. опубликованные И. А. Орбели заметки А. К. Маркова и П. В. Эрнштедта о греческой надписи чаши (ХВ, т. V, вып. 2, стр. 144—146).

шей украшали армянские надписи; на ручке помещалась дата: лета 998 (армянского летосчисления, т. е. 1449 г.). Из надписи же явствовало, что ковш принадлежал священнику Иоанну. Диалектальные формы, которые встречались в надписи, убедили Иосифа Абгаровича в том, что этот предмет создан в среде польских армян: известно, что в развитии польского ювелирного искусства армяне сыграли весьма заметную роль. Имя мастера — вардапет Петрос — И. А. Орбели склонен был отождествить с известным по одному документу от 1520 г. львовским мастером Петром, или прославленным ювелиром армянином Петром Чечотовичем. «Но если даже воздержаться от этого — не отрицаю — рискованного отождествления, трудно отказаться от присвоения ковша львовским ювелирам»⁷⁸.

С этим ковшем сходен и серебряный ковш из собрания Эрмитажа. На нем имеется греческая надпись с датой 1586 г. «Ковш этот представляет собою двойник ковша священника Иоанна и вполне сходен с ним как в форме и размерах, так и в отделке».

Таким образом, статья Иосифа Абгаровича вводила в научный оборот два прекрасных предмета из серебра, сделанных руками мастеров, которые принадлежали к многочисленной армянской колонии средневекового Львова⁷⁹.

Не оставял И. А. Орбели и курдских штудий, начатых, как уже говорилось, в Ване в 1911—1912 гг. В те годы развитие курдологии в России стимулировалось не только научными потребностями, но и политическими интересами Российской империи на Востоке. Этим обстоятельством в известной степени обусловлено письмо управляющего Петербургским учебным округом от 4 июля 1914 г.: «Согласно соображениям, сообщенным Министерству Народного Просвещения Министерством Иностранных дел, представляется желательным ввести в факультете Восточных языков И. С. П. Университета преподавание курдского языка и курдской этнографии. В целях подготовки соответствующего специалиста Министерство Народного Просвещения признало возможным про-

⁷⁸ И. А. Орбели, *Два серебряных ковша...*, стр. 9.

⁷⁹ Впоследствии, в бытность И. А. Орбели заведующим Отделом Востока Эрмитажа, к этим двум ковшам удалось присоединить третий, родственный им ковш с армянской надписью. Публикация этого ковша еще не осуществлена.

У хачкара близ деревни Кош. Армения. 1913 г.

длить срок оставления при Университете магистранта Орбели по 1 января 1915 г. с назначением ему содержания, как оставленному при Университете и командированному внутри империи за текущий год, в размере 1500 р.»⁸⁰.

По всей вероятности, именно для И. А. Орбели была составлена впоследствии Н. Я. Марром «Программа занятий по курдской этнографии». Для истории русской курдологии этот документ представляет несомненный интерес.

«I. Чтение европейских путешественников по Курдистану и странам с курдским населением и извлечение сведений о курдах.

II. По данным, извлеченным из литературы предмета (древних и восточных писателей, путешественников и исследователей) или лично наблюденным, ведение работы над выяснением кочующих и оседлых типов курдских племен с классификацией сведений касательно 1) внешности и ее типических черт; 2) общественного быта, обычаев, занятий, ремесел, 3) религиозного быта (иезидийского, мусульманского) 4) обстановки, жилища, костюма, орудий; 5) устной литературы и песни; 6) колебания в типах в зависимости от той или иной иноплеменной этнографической среды.

III. В то время, когда удастся предпринять поездку к курдам, наблюдение тех явлений и фактов в жизни определенного курдского племени, недостатки коих в литературе обнаружатся при разборе по II пункту настоящей программы.

14.9.17 Петроград Орд. проф. Н. Марр»⁸¹

В течение 1914 г. И. А. Орбели усиленно разбирал и готовил к печати собранные в Турецкой Армении материалы по курдскому языку. По поручению Академии наук он занялся составлением французско-курдского обратного словаря к известному курдско-французскому словарю А. Жаба и приступил к его изданию. Из отчета, поданного на факультет восточных языков⁸², явствует, что к концу 1914 г. два из девяти печатных листов были уже набраны.

Летом 1914 г. представилась возможность совершить поездку к курдам, и И. А. Орбели поспешно приступил к со-

ставлению русско-курдского словаря на основе мокского говора, «поставив себе целью возможно полную подготовку всего необходимого для облегчения, улучшения и ускорения дальнейших записей словарного и грамматического материала по курдскому»⁸³. Осенью Иосиф Абгарович занимался подготовительной работой для составления словаря всех известных наречий и говоров курдского языка на основании изданных материалов, стремясь при этом к созданию единой транскрипции.

В том же отчете можно прочесть: «Весною отчетного года, воспользовавшись пребыванием в Петрограде известного курдского политического деятеля Бодырхана Иезданшера (Абдуррезака), читал с ним и пользовался его объяснениями (в отношении языка) к некоторым суфическим стихотворениям прославленного курдского поэта Ахмеда Хани из Джелире, автора стихотворного романа „Мам у Зин“»⁸⁴. Поэмой «Мам у Зин» Иосиф Абгарович интересовался на протяжении ряда лет и в своих выступлениях и статьях не раз возвращался к этому крупнейшему памятнику курдской классической литературы.

Круг интересов И. А. Орбели все расширялся, талант его развивался по многим направлениям. 1916 год принес ему большую удачу еще на одном поприще — урартологии.

В те времена это была новая наука, которая очень медленно отпочковывалась от ассириологии. Надписей было собрано много, работа над урартским языком привела к ощутимым результатам, археологическое же изучение Ванского царства пребывало еще в зачаточном состоянии. Систематические раскопки производились лишь в древней крепости Топрак-Кала, близ г. Ван⁸⁵. Интерес к ванским древностям рос с каждым годом. Н. Я. Марр со свойственной ему горячностью отстаивал тезис об исторических и культурных связях, тянущихся от урартов к армянам и грузинам. Как было сказано, в 1911 г. И. А. Орбели производил небольшие раскопки близ Вана и, докладывая о своей поездке на заседании Восточного отделения Русского археологического общества, говорил, что «от последующих раскопок можно ожидать зна-

⁸⁰ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15829, л. 6.

⁸¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15829, л. 64. Автограф Н. Я. Марра

⁸² Там же, л. 178 Автограф И. А. Орбели

⁸³ Словарь в настоящее время хранится в архиве И. А. Орбели.

⁸⁴ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15829, л. 178. Автограф И. А. Орбели

⁸⁵ Б. Б. Пиотровский, *Ванское царство (Урарту)*, М., 1959, стр. 18.

чительных результатов». Восточное отделение много раз поднимало вопрос об организации археологической экспедиции в Ван⁸⁶, но осуществить это предприятие удалось только в 1916 г. Н. Я. Марр и И. А. Орбели отправились в Ван, заняв тогда русскими войсками. Н. Я. Марр вел раскопки на холме Топрак-Кала (с 11 июня по 16 июля), а Иосиф Абгарович — на Ванской скале (22 июня — 16 июля). Наступление турок и отход русских войск вынудили ученых ускорить отъезд.

С описанием Ванской скалы Иосиф Абгарович мог ознакомиться еще в студенческие годы, когда читал соответствующие страницы знаменитого армянского историка Моисея Хоренского.

Рассказывая о том, как ассирийская царица Шамирам (Семирамида) отправилась к Ванскому озеру, историк пишет: «Объездив множество мест, достигает она Соленого озера с восточной его стороны и видит расположенную у берега продолговатую гору, по долине тянущуюся к западу, в северной части пологую, в южной же вздымающуюся к небу и обрывающуюся крутым утесом. К югу от него и к востоку от горы раскинулась обширная долина, переходящая в снижающееся к берегу озера ущелье, изобилующее питьевой водой, которая ручьями стекала с горы и сочилась из падей и расселин, а еще ниже, у подножия, красиво сочетаясь, сливалась в большую реку, слева и справа от которой по склонам находилось немалое количество поселений»⁸⁷. Здесь, на северном склоне, под стенами Ванской цитадели, виднелись высеченные в скале две глубокие ниши, наполовину засыпанные землей. На восточной стене западной ниши имелась клинообразная надпись урартского царя Сардури II, известная еще Ф. Шульцу⁸⁸. Под последней строкой надписи виднелись какие-то буквы. Это заставило И. А. Орбели предпринять не-

⁸⁶ История снаряжения этой экспедиции подробно изложена Н. Я. Марром: Н. Я. Марр и И. А. Орбели, *Археологическая экспедиция 1916 года в Ван*, Пг., 1922, стр. 1–3.

⁸⁷ Цит. по кн.: Б. Б. Пиотровский. *Ванское царство*, М., 1959, стр. 7 (перевод приводимого отрывка Н. О. Эмина с исправлениями Л. А. Калантара)

⁸⁸ Ф. Шульц — первый исследователь урартских древностей в новое время. Погиб в 1829 г. Собранные им материалы опубликованы во Франции лишь в 1840 г.

большую разведку, которая была продолжена, хотя в тот же день выяснилось, что загадочные буквы принадлежат армянской надписи и, как удалось установить позднее, также упомянутой Ф. Шульцем.

Предполагалось, что ниши имеют незначительную высоту, и Иосиф Абгарович захотел выяснить форму и назначение западной ниши. 22 июня начали ее раскапывать. Работа была тяжелая, находок — никаких. И рабочие и сам руководитель экспедиции начали уже было поддаваться унынию, когда 28 июня, в 4 часа вечера, на глубине 2 метров показался большой обработанный по бокам камень прямоугольного сечения. Когда удалили глину, выяснилось, что на всех четырех гладко обработанных гранях имелись клинообразные надписи. Это была характерная урартская стела в форме параллелепипеда с округлым верхом, который в данном случае был отбит. «Нетрудно представить, — писал в отчете И. А. Орбели, — с каким нетерпением продолжались требовавшие большой осторожности и прекрасно выполненные солдатами команды работы по очистке стелы и ее откапыванию; много и волнения и радости доставляло то, что надпись казалась бесконечной: она все уходила вглубь по мере очистки верхней, т. е. южной грани стелы»⁸⁹. Вскоре на задней стене ниши была обнаружена и расчищена еще одна надпись.

Раскопки продолжались. Показалось кубическое основание с гнездом, куда входил шип стелы. Шип был сломан, поэтому стела держалась в наклонном положении. Когда раскопки прекратились, стелу установили на месте; предварительно ее три раза повернули вокруг оси, чтобы сфотографировать надписи. Раскопали и восточную нишу. Здесь, под крестом с надписью 949 г., оказался костяк. Надпись, связанная (как и крест) с погребением, гласила: «Гургена помяните во Христе». И. А. Орбели предположил, что обнаруженный костяк принадлежит Гургену Арцруни, сыну Дераника, младшему брату васпураканского царя Гагика. Гнездо же в полу восточной ниши показывало, что и здесь когда-то находилась стела.

Надписи, открытые И. А. Орбели, содержали значитель-

⁸⁹ Н. Я. Марр и И. А. Орбели, *Археологическая экспедиция 1916 года в Ван*, стр. 16.

ные куски текста летописи царя Сардури II, правившего в середине VIII в. до н. э. Это было время высшего расцвета Урарту, и летописи Сардури содержали важнейшие сведения о событиях тех лет⁹⁰. Естественно поэтому, что открытие этих надписей принесло И. А. Орбели большую и заслуженную славу. Но сам он считал, что проделана небольшая часть работы — не только в области изучения урартских древностей вообще, но и самой ванской скалы. «Раскопками у ниш в этом году, — писал он в отчете, — снята ничтожная лишь горсточка земли с той громады материалов, которые лежат нетронутыми, и — в великом множестве — совершенно открытые, на поверхности земли»⁹¹.

Эти пожелания не остались бесплодными. В предвоенные, в особенности же в послевоенные годы известному советскому археологу Б. Б. Пиотровскому, его сотрудникам и ученикам удалось достигнуть замечательных успехов в изучении истории и культуры Урарту. Раскопки урартской крепости Кармир-Блур (близ Еревана) привлекали неизменное внимание И. А. Орбели. В самом начале работ он провел на раскопе целый день⁹², на протяжении ряда лет бывал на Кармир-Блуре. Б. Б. Пиотровский не раз обращался к нему за советами, и знания Иосифа Абгаровича в сочетании с его поразительным чутьем помогали разрешать многие загадки, встававшие перед археологами. Обо всех более или менее значительных находках участники экспедиции немедленно сообщали И. А. Орбели, с нетерпением ожидавшему известий из Еревана.

Эти факты, как и многие другие, показывают, что роль И. А. Орбели в развитии советской урартологии отнюдь не ограничивается его находками (хотя и очень важными!) во время ванских экспедиций 1911—1912 и 1916 гг.

---

⁹⁰ См. Б. Б. Пиотровский, *Ванское царство*, стр. 75—81.

⁹¹ Н. Марр и И. Орбели, *Археологическая экспедиция 1916 года в Ван*, стр. 24.

⁹² Б. Пиотровский, *Я полюбил Армению*, — в кн. «Дружба», кн. 2, Ереван, стр. 68

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	47
Глава третья	99
Приложение	121
И. А. Орбели. Воспоминания студенческих лет	122
Указатель имен	154
Основная библиографическая литература об И. А. Орбели	157
Список сокращений	158

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН — Архив Академии наук СССР.
 ВДИ — «Вестник древней истории».
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
 ГИАЛО — Государственный Исторический архив Ленинградской области.
 ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
 ЗВО — «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества».
 ИАН — «Известия Академии наук».
 ИРАН — «Известия Российской Академии наук».
 ПИДО — «Проблемы истории докапиталистических обществ».
 РАИМК — «Российская Академия истории материальной культуры».
 СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа».
 УЗ — «Ученые записки».

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
38	12 сн.	словораздел в странах в пятисотлетие разрушили и ограбили	словораздел; и в республиках и пятисотлетие разрушивших и огра- бивших и прихожане [А. Ганалаян]
83	12 св.		
101	12 св.		
107	18 св.		
108	9 сн.	и прохожие	
157	6 сн.	[О. Ганалаян]	

Зак 511

Карен Никитич Юзбашян
АКАДЕМИК ИОСИФ АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редактор *Н. Н. Тихонравова*
Художник *Л. С. Эрман*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *М. К. Киселева* и *М. Э. Шафранская*

*

Сдано в набор 10/XII 1953 г.
Подписано к печати 8/II 1954 г.
А 4316. Формат 60×84¹/₁₆
Печ. л. 10+0,125 вкл. Усл. п. л. 9,24
Уч.-изд. л. 8,65. Тираж 2700 экз.
Заказ 1435. Цена 40 коп.

*

Издательство «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 40 коп.